

Лин Син выдвинул свои условия жёстко и без уступок, а присутствие Шэнь Хуэя, не сводившего с собеседника холодного взгляда, лишь усиливало давление.

Чжао Чупин был человеком бывалым и скользким: он всегда старался избегать прямого насилия, предпочитая находить чужую слабость и аккуратно давить на нее так, чтобы человек сам был вынужден склонить голову.

В конце концов, торговля - не война. Кто же станет по каждому поводу решать все кулаками?

— Однако... — протянул Чжао Чупин, неспешно наливая себе чай и делая вид, будто происходящее его вовсе не волнует. — Если позволить тебе и дальше продавать баоцзы, для нашего ресторана это, разумеется, будет убытком. Я ведь тоже всего лишь служу хозяину, человек маленький. Так что если идти навстречу твоим условиям, цену за рецепт придётся снизить ещё на три ляна.

— Двумя ляннами вы хотите купить рецепт? — Лин Син усмехнулся, уже не скрывая раздражения. — Да вам проще сразу ограбить меня.

— Ну что ты так, — Чжао Чупин расплылся в улыбке. — Мы же люди законопослушные, воспитанные. В торговле грабежом не занимаемся.

Он улыбался так широко, что глаза превратились в узкие щёлки, а ровные белые зубы сверкнули напоказ.

На фоне злости Лин Син вдруг поймал себя на посторонней мысли: люди в старину, особенно те, кто жил получше, явно очень берегли зубы и следили за ними. Ведь если зуб испортится, починить его уже нельзя, вот и приходилось заботиться.

Он бросил взгляд на этот ослепительный оскал и вдруг понял, что сейчас Чжао Чупин напоминает зверя, оскалившего клыки и тянущего добычу в разные стороны. Толстоватую, ухмыляющуюся гиену. И эта гиена вцепилась именно в него.

Впрочем, Лин Син и не собирался ничего продавать. Сколько бы лян ни называли, это уже не имело значения. Он опустил взгляд, а когда вновь поднял глаза, они были слегка покрасневшими.

— Чжао-чжангуй! — голос Лин Сина задрожал. — Я-то думал, вы человек мягкий и порядочный, а вы, оказывается, настолько бесстыдны! Вы ведь толкаете меня напрямик к гибели! Баоцзы и маньтоу - это мой единственный способ выжить, а вы хотите за какие-то два ляна отобрать у меня последнее? Я не могу на это согласиться!

Он резко схватил Шэнь Хуэя за запястье, в голосе зазвучали слёзы:

— Эрлан, пойдём!

Чжао Чупин на мгновение опешил. Он был уверен, что Лин Син, почти не раздумывая, согласится продать рецепт за пять лян, а все последующие возражения - лишь слабая попытка торга. В конце концов, тот ведь уже дал понять, что готов продавать. В его глазах это был мягкий, податливый гер, которого легко прижать. Кто бы мог подумать, что сейчас он вдруг встанет дыбом?

Но утка, которая уже почти попала в рот, не должна улететь. И всё же унижаться, идти на попятную и поднимать цену ради какого-то вдовца? Он на такое был не способен. Он, Чжао Чупин, управляющий крупнейшего ресторана города Юнься, разве позволит какому-то геру взять себя за горло?

Он остался сидеть, не двигаясь, но лицо его потемнело.

— Сяо танжу, — холодно произнёс он, — ты уверен, что хочешь пойти против ресторана «Юнься»?

В его голосе звучала откровенная угроза.

Лин Син, однако, даже не обернулся. Он продолжал тянуть Шэнь Хуэя к выходу. И уже распахивая дверь, увидев, что в зале на первом этаже сидит немало людей, он вдруг громко выкрикнул:

— Кто против вас собирается идти?! Чжао-чжангуй, да вы просто хотите меня погубить! Хотите - бейте, хотите - убивайте, я к этому готов!

К этому моменту Чжао Чупин уже понял, что дело принимает дурной оборот: дверь распахнута настежь, а внизу полный зал гостей. Подобные вещи ни в коем случае нельзя выносить на люди!

— Сунь Цзю! Ты что, оглох или ослеп?! — вскрикнул он. — Живо перехвати его, не дай больше кричать!

Чжао Чупин поспешно вскочил, на ходу двинулся к двери и крикнул охраннику, чтобы тот остановил Лин Сина. Но приказ так и не был выполнен: слуга даже не успел приблизиться - Шэнь Хуэй одним движением оттолкнул его, и тот, потеряв равновесие, отлетел на несколько шагов.

Увидев, что Чжао Чупин бросился за ними, Лин Син потянул Шэнь Хуэя за собой и пустился бежать, словно спасаясь от беды. Шэнь Хуэй не знал, что именно задумал Лин Син, но действовал без колебаний. Выбегая из комнаты, он ещё успел в спешке подхватить оставленные у двери печку, корзину и прочие вещи.

Руки у него были заняты, и Лин Син больше не мог тянуть его за запястье, он вцепился в полу одежды. Сбегая вниз по лестнице, он нарочно всхлипывал и громко, с надрывом кричал:

— Чжао-чжангуй, у вас власть и влияние, хозяин у вас могущественный! Хотите - перебьёте всю мою семью, а рецепт заберёте даром! Тогда приходите, убивайте! Всё равно без этого ремесла нам не выжить! Убейте, хоть страдать больше не придётся!

Худенький гер, тащит за собой рослого мужчину, бежит и плачет, выкрикивая слова о «перебить всю семью» и «невозможно дальше жить» - такая сцена неизбежно притягивает взгляды всех посетителей в зале. Услышав, как снизу поднимается гул приглушённых обсуждений, Чжао Чупин уже не осмелился продолжать погоню. Ему оставалось лишь смотреть, как Лин Син и Шэнь Хуэй покидают ресторан.

В груди у него клокотала злость, но, обернувшись к гостям, он всё же вынужден был махать руками и натянуто улыбаться, оправдываясь:

— Недоразумение, одно недоразумение... Этот гер трусоват, пару слов услышал и надумал себе лишнего...

Стоило им выйти из «Юнься», как Лин Син прочистил горло и тыльной стороной ладони вытер глаза. Он тут же вернулся к своему обычному виду - ни следа слёз или отчаяния.

Люди всегда склонны сочувствовать слабым, и Лин Син прекрасно понимал, что в противостоянии между ним и Чжао Чупином именно он идеально вписывается в образ жертвы в глазах окружающих. Устроив эту сцену при свидетелях, он дал понять посетителям ресторана, что происходит, и тем самым, по крайней мере на время, обезопасил себя от дальнейшего давления со стороны Чжао Чупина.

Теперь они благополучно выбрались из ресторана. Лин Син украдкой оглянулся - никто не гнался следом. Он лукаво улыбнулся и спросил Шэнь Хуэя:

— Ну как я сыграл? Правда ведь хорошо получилось?

Шэнь Хуэй, глядя на его живое, подвижное выражение лица, с лёгкой улыбкой кивнул.

— Значит, ты с самого начала и не собирался продавать рецепт?

По всем действиям Лин Сина было видно, что это вовсе не импровизация без подготовки.

Лин Син кивнул:

— Я изначально думал, что стоит мне сказать о продолжении торговли, как он сразу

откажется. Это как раз было бы удобным моментом. Кто же знал, что он вдруг согласится.

Тогда Лин Син ещё ломал голову, как бы ему «естественно» расплакаться. К счастью, жадность Чжао Чупина сыграла ему на руку. Хоть его слова и правда задели, зато не пришлось придумывать новый ход.

— И что ты собираешься делать дальше? — спросил Шэнь Хуэй. — Что мне нужно сделать?

Лин Син поднял два пальца:

— Первый вариант - обратиться за помощью к Ту-байе.

Ту Хай в Юнься обладал немалым влиянием, его недаром называли местным хозяином. Если обратиться к нему и заплатить как следует, договориться можно о многом. Полностью прижать «Юнься» он, конечно, не сможет, силы не того масштаба. Но защитить семью Шэнь и мою собственную безопасность ему вполне по силам.

Что же до торговли на прилавке, её, скорее всего, отстоять не удастся.

Шэнь Хуэй думал о том же самом. Его взгляд скользнул по длинным пальцам Лин Сина.

— А второй вариант?

— Обратиться к уездному судье.

Если говорить о самом влиятельном человеке в уезде Юньшуй, то им, без сомнений, является именно уездный судья. Мысль пойти к нему пришла Лин Сину не случайно: этот уездный судья был не из тех, кто занимает должность формально, ничего не делая. То, что он специально выделил склады для торговцев и привёл уличную торговлю в упорядоченный, налаженный вид, ясно показывало - он заботится о народе и его жизни. Он не относился к мелким торговцам как к чему-то незначительному лишь потому, что те приносят меньше дохода, чем крупные купцы, и не оставлял их вовсе без защиты. Особенно редким было и то, что время от времени он отправлял чиновников по деревням и посёлкам, чтобы публично зачитывать законы.

Когда в прошлый раз люди из семьи Фан устроили скандал у дома, именно потому, что уездный судья не раз велел разъяснять законы, все знали, какими последствиями чревато посягательство на метку фертильности гера. Поэтому дело тогда и решилось быстро.

Судя по всему, уездный судья был человеком, умеющим ценить способности и таланты. Причина, по которой Ли Хуэйюаня взяли сторожем на склад, была известна всему городку. И то, что об этом знали все, вероятно, служило не только его стремлению к доброму имени, но и желанию оградить Ли Хуэйюаня от посторонних помех, чтобы тот мог спокойно учиться. Раньше в дом Ли через каждые несколько дней приходили свахи. Пусть Ли Хуэйюань был всего

лишь туншэном, но он ведь занял первое место, а значит, впереди у него были новые экзамены.

Надо понимать, что в нынешние времена учёба даётся с большим трудом. В уезде Юньшуй больше десяти городков, и каждый год среди всех учеников, сдающих экзамен на звание туншэна, набирается меньше двадцати человек. Со степенью сюца дела обстоят ещё хуже: в самый удачный год их бывает не больше десяти, а в неудачный - всего двое. Про цзюйжэней и говорить нечего: если за пять лет появляется хоть один, это уже считается великой удачей для всего уезда Юньшуй. А про цзиньши и вовсе ни одного. В летописях уезда Юньшуй не записан ни один цзиньши. Поэтому семьи, которые положили глаз на род Ли и осмеливались говорить о браке, были в основном купеческими домами. Они готовы были тратить серебро, чтобы содержать Ли Хуэйюаня во время учёбы, надеясь на то, что он сможет сдать экзамен на цзюйжэня. А если уж не получится, то хотя бы на сюца. И это тоже считалось бы для них огромной удачей. Ведь Ли Хуэйюань занял первое место на экзамене туншэна, а значит, его шансы стать сюцаем были куда выше, чем у остальных.

Такой лакомый кусок, маячащий впереди, естественно, манил купцов, каждому хотелось откусить свою долю. Из-за этого вокруг Ли Хуэйюаня поднималась такая суета, что он совершенно не мог спокойно учиться. Теперь же, когда все узнали, что он находится под покровительством уездного судьи, те купцы, что раньше подумывали выдать за него своих дочерей или геров, стали осторожнее. Они понимали, что сейчас не время, да и, скорее всего, им всё равно не удастся воспользоваться близостью - «у воды раньше пьёт тот, кто ближе», и потому поутихли. Благодаря этому Ли Хуэйюань наконец смог спокойно сосредоточиться на учёбе и ждать экзаменов следующего года.

И пусть Лин Син ещё ни разу не видел уездного судью лично, по всем этим мелочам он ясно чувствовал: это был по-настоящему достойный «чиновник-родитель», искренне заботящийся о людях. Раз уж он - настоящий «чиновник-родитель», значит, когда у простого народа возникают трудности, к нему и следует обращаться за защитой и справедливым решением.

О делах уездной управы Шэнь Хуэй знал больше, чем Лин Син, и потому сказал:

— Уездный судья действительно усерден и заботится о людях, но далеко не всеми делами он занимается лично. Вопрос с рецептом, скорее всего, будет рассматривать не он, а дяньли.

Над дяньли стоит чжубо, и лишь выше них - сам уездный судья. А поскольку уездный помощник занимается исключительно зерновыми складами и сбором податей, то, чтобы добраться до самого судьи, пришлось бы пройти ещё и через него. Если же до уездного судьи не дойти, то при нынешнем поведении Чжао Чупина дело, в лучшем случае, закончится тем, что дяньли пошлёт яменских стражников расспросить его.

Признает Чжао Чупин что-нибудь или нет, по сути, это ему ничем не грозит. Ведь он ещё ничего не сделал по-настоящему: были лишь завуалированные словесные угрозы. К тому же эти угрозы никто посторонний не слышал. А если Чжао Чупин ещё и перевернёт всё с ног на голову, то их самих могут обвинить в ложном доносе. Тогда дело дойдёт либо до палок, либо до выкупа от телесного наказания за серебро. Мало того, это лишь сильнее разозлит Чжао Чупина.

Шэнь Хуэй прекрасно понимал: обращение напрямую к уездному судье могло бы решить проблему раз и навсегда. Но именно до него им и не добраться.

Все эти соображения он подробно изложил Лин Сину, и на их фоне стало ясно: по сравнению с обращением в управу, путь через Ту Хая выглядит куда более подходящим.

Пока они разговаривали, оба дошли до склада. Шэнь Хуэй, взяв бамбуковый жетон, вошёл внутрь, чтобы сдать вещи, а Лин Син остался ждать у входа.

Ли Хуэйюань, как и всегда, в этот момент отложил кисть и с улыбкой сказал:

— Лин-гер, пришёл?

— Угу.

Лин Син посмотрел на Ли Хуэйюаня и вспомнил разговор о том, что уездный судья ценит талант и потому особо опекает его. Помедлив, он всё-таки решился спросить:

— Саньлан, ты можешь встретиться с уездным судьей?

Лин Син хотел хотя бы попытаться. Если не выйдет, значит, он сделал всё, что мог. А если и это не сработает, то дальше ему останется лишь одно: пусть даже отдать все сбережения Ту Хаю, прося защиты, и до последнего биться с Чжао Чупином в делах торговли, но рецепт он ему не продаст. Стоит уступить сейчас, и в будущем ни один рецепт, оказавшийся у него в руках, не удастся сохранить. Все будут знать, что он – мягкая хурма, которую можно мять как угодно, от которой каждый вправе откусить кусок.

Что бы он ни делал, всё обернётся лишь тем, что плоды его труда достанутся другим.

Для него сейчас зарабатывать деньги было уже не так важно. Куда важнее дать понять всем, кто на него зарится: он не мягкая хурма, которую можно безнаказанно раздавить.

Он - кость, которую трудно разгрызть.

С мясом, да. Но стоит вцепиться, и зубы посыплются, а обратно их уже не вставишь.

Увидев, каким серьёзным стал Лин Син, Ли Хуэйюань тоже посуровел, убрав улыбку с лица.

— Могу, — ответил он. — Лин-гер хочет встретиться с уездным судьей?

Глаза Лин Сина на мгновение загорелись, но он тут же покачал головой. Он и Ли Хуэйюань

были знакомы лишь поверхностно. Просить его напрямую устроить встречу с уездным судьей означало бы задолжать слишком большое одолжение. Лин Син не был уверен, что сможет его вернуть.

— Нет-нет, мне не нужно с ним встречаться, — поспешно сказал он. — Я хочу передать уездному судье рецепт - способ, как сделать тесто более пышным и мягким.

Если уездный судья сам, увидев рецепт, захочет встретиться с ним - это будет совсем другое дело. Так и Ли Хуэйюаню будет куда легче, чем если бы ему пришлось лично просить за него аудиенцию.

Лин Син продолжил:

— Я хочу как можно скорее передать это уездному судье, но боюсь, что если идти через канцелярию, с её бесконечной цепочкой инстанций, всё слишком затянется.

Ведь чем раньше рецепт попадёт к судье на глаза, тем раньше он окажется в безопасности.

Ли Хуэйюань был человеком умным и сразу уловил скрытый смысл его слов. Речь шла вовсе не о том, чтобы «преподнести рецепт». По сути, Лин Син собирался отдать своё средство к существованию, чтобы взамен получить защиту.

— Я понимаю, — спокойно сказал Ли Хуэйюань. — Лин-гер, не переживай. Ты продиктуешь рецепт, я запишу его и лично передам уездному судье.

Чтобы Лин Син окончательно успокоился, он добавил:

— Ты можешь пойти со мной. Если уездный судья, прочитав рецепт, захочет тебя увидеть, ты сможешь сразу с ним встретиться.

Лин Син и подумать не мог, что Ли Хуэйюань окажется таким добрым человеком: ни намёка на отказ, ни полунамёка на вознаграждение, напротив, он всё продумал за него. Только что столкнувшись с откровенной злобой, теперь он встретил настоящую доброту. От этого на душе стало тепло, а глаза защипало.

— Саньлан, ты правда очень хороший человек... — искренне сказал он. — Как бы ни сложилось дальше, я обязательно запомню твою сегодняшнюю помощь.

Ли Хуэйюань покраснел, испугавшись, что это заметят, и поспешно опустил голову.

— Хорошо...

У Шэнь Хуэя всегда было к Ли Хуэйюаню какое-то смутное, необъяснимое настороженное отношение, поэтому он всякий раз старался управляться на складе как можно быстрее.

Выйдя наружу, он увидел, что лицо Лин Сина светится радостью, от прежней тревоги не осталось и следа. Он невольно перевёл взгляд на Ли Хуэйюаня. Тот стоял, опустив голову, с покрасневшими щеками.

Сердце Шэнь Хуэя тяжело ухнуло.

Вот же... За таким нужен глаз да глаз, совершенно невозможно уследить.

<http://bllate.org/book/13938/1328319>